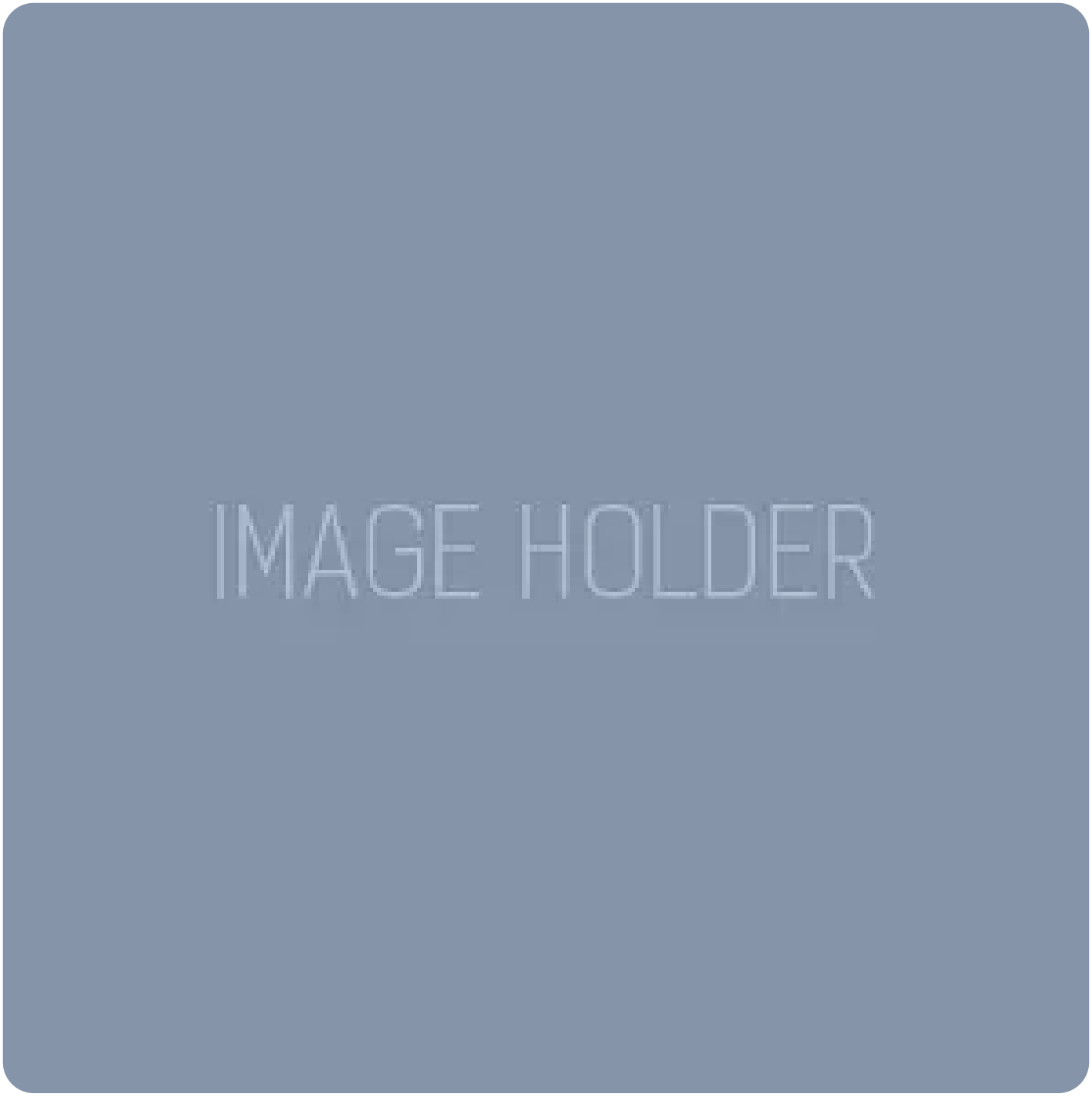

ЯИЧНИЦА

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Андрей ak6280@yandex.ru

Ссылка на публикацию

Бай. КА

В помещении, не смотря на то, что все окна были открыты, было ужасно душно. Особенно от этого страдали люди полные. Если кто-то лишь обмахивался любым подходящим предметом, оказавшимся под рукой, то людям полным этого было совсем недостаточно. Им ещё приходилось почти постоянно вытирать струйки пота, скатывавшиеся по лицу и шее за пазуху. Это доставляло крайние неудобства. Здесь их было не много, но все они относили себя к обществу воспитанному, и потому залезть за пазуху и вытереть там пот, было совершенно невозможно. Может из-за этого они с раздражением смотрели на подсудимого, человека тоже полного, но которого не сдерживали такие тонкости воспитания, и который мог свободно почесать живот в том

месте, где чесалось, и вытереть пот со лба рукавом рубашки. И выглядел он не таким измождённым.

Прения закончились, и в зале на какое-то время возникла полная тишина. По подоконнику прошуршал ветерок и потрепал сдвинутую в сторону занавесь. Судья посмотрел через решётку в открытое окно. Там, в багряных лучах заходящего солнца, устало колыхалась листва. Её шелест вызвал у судьи глубокий вздох и наполнил его глаза тоской.

- Подсудимый, - утомлённо произнёс он, не отводя взгляда от окна. - Вам предоставляется последнее слово.

Подсудимый проследил за взглядом судьи, сквозь трепещущую листву разглядел серо-голубое небо, и тоже вздохнул:

- Как тихо. Даже птиц не слышно. - Он выдохнул, перевёл взгляд в зал. Робко посмотрел на присяжных. Потом вытер рукавом лоб, и негромко продолжил. - Стрижи уже улетели. Не оттого ль вечерами комары стали досаждать особенно? Или это моя фантазия? Но ведь досаждают! - Его голос повысился. - Досаждают с какой то особенной жестокостью, даже мстительностью! И мухи стали кусаться. А за что? Я очень тих по натуре, - голос обрёл прежние, тихие нотки. - Мухи не обижу. Комара! Вот он сидит, кровь мою пьёт, а я не хлопаю его, я дую на него: улетай, улетай. Как Вы думаете, господа присяжные, это из-за стрижей? Может учёным есть смысл придумать сделать так, чтобы они не улетали? Сколько крови сохранит человечество! Литры! Десятки литров!

Судья постучал по столу:

- Подсудимый, не отвлекайтесь. Говорите по сути.

- А разве это не по сути? Человечество испытывает нужду в крови. А я не могу собраться с духом, чтобы прихлопнуть этих кровососов, - его голос то возвышался, почти до звона, то опускался до шёпота. - Я своей мягкостью позволяю быть этой нужде! Вот в чём моя вина! Вот за что меня надо судить. Да нельзя! Нет такого закона. А и был бы если, много ли изменилось бы? Нисколько ничего не изменилось бы! Потому как у комаров есть защитник! Могущественный! Этот защитник защитит неприкосновенность комариную, и оправдает мою слабость. Это защитники природы. Даже у этих насекомых есть защитники. А у меня нет! Вот как! Я беззащитный! И потому можно мне всякую вину приклеить, и отправить куда нибудь подальше, исправляться. Но способно ли это меня исправить, господа присяжные? Посмотрите на меня внимательно: я человек кроткий и послушный. Справедливости ради не скрою: бываю вспыльчив, но чрезвычайно редко, и почти всегда потом раскаиваюсь за свою несдержанность. И что во мне исправлять? Вот эту кротость? Послушание? В этом случае, чем больше времени Вы мне дадите на исправление, тем меньше шансов, что я исправлюсь. Вернее, конечно исправлюсь, но совсем не в ту сторону в какую надо. Такой вот парадокс, господа присяжные.

Судья кашлянул в кулак, поелозил на стуле, протёр макушку влажным платком, и с упрёком произнёс:

- Как же так вы говорите, что у вас нет защитника? Вот товарищ Семейко имел честь защищать вас.

- Да что Вы, гражданин судья, разве это честь? Кто я есть, чтобы оправдание моих грехов сделало кому то честь? Да это настоящее безчестие! Вот если человек заслуженный, авторитетный, тогда дело совсем другое. Тогда так полагается. Не должны люди догадываться что и те такие же. На кого ж им тогда равняться, если что я, что те, всё одинаково? Какой же пример будет? Никакого примера, один антипример и крах полный. А меня в округе и так все знают. Скажите им чего про меня, они только рукой махнут: мне то что. Мои грехи всем известны.

- Значит вы признаёте себя виновным?

- Разве я признал себя виновным?

Судья подёргал плечами, погладил ладонью бородку, при этом как-то важно скривив губы, и продолжил:

- Вы сказали что грешны.

-Грешен, грешен! - Подсудимый согласно закивал головой. - Но не виновен! Мои грехи не видны. Я и сам их не всегда вижу. А что до окружающих, то они и слушают-то меня без всякой охоты. А видеть и вовсе не замечают. С меня пример никто не берёт. Так что не опасен я для общества с этой позиции. Мой защитник, как вы его назвали гражданин судья, не уделил внимания этому факту, так что прошу, господа присяжные, очень учесть его. Да и какой он мой защитник, когда он из той же честной компании? Поварёнок... - с последними словами подсудимый кивнув, обратился в зал и развернул руки ладонями вверх, словно напоминая слушателям про этого поварёнка, как будто известного всем.

- Подсудимый, хочу напомнить вам, что мы собрались здесь не рассматривать опасность позиции, чьей бы то ни было, а определить наличие и степень вашей вины. - Монотонно сказал судья, не показав более никаких эмоций. Лишь досада, сморщив его потный лоб, выразила степень его усталости. Он помолчал. Ему было лень даже говорить. Наконец, сделав над собой усилие, он добавил, - если она обнаружится. - И опять обмакнул лоб платком. Вечер не принёс желанной прохлады. Наоборот, духота стала более плотной, липкой и любое движение обжигалось тяжёлым воздухом. Это усложняло работу присяжных, делало их раздражительными, а подсудимого - невольным виновником этих тягот. В таких условиях жара есть самый грозный обвинитель и неопровержимый факт, и никого не должно удивлять, что вина может найтись там, где её никогда не было. Лишь бы поскорее покончить с этим мучением.

Подсудимый не мог полагать, что эта редкая духота может повлиять на мнения присяжных и судьи, этих стойких слуг закона, и наивно продолжал:

- Товарищ судья, хоть наизнанку меня выверните, я буду Вам только благодарен, если найду, что во мне не так. Что меня слепит? Потому что до сих пор, я никакой своей вины не вижу! А если в том, что было тогда, произошло что-то такое, то только по моему полному недоразумению. Сейчас я всё расскажу как на духу, а вы уж определите: вина это моя, или недоразумение? Если это всё же вина, то вина эта случилась исключительно по моему простодушию, потому как во всей своей жизни я никогда не имел вредной потребности даже в мыслях.

- Слушаем вас. Только предупреждаю: не вздумайте ничего сочинять. Мы здесь это быстро вскроем! - строго предупредил судья, задрав при этом подбородок вверх вправо. Эти эмоции лишили его последних сил, потому как сразу же после этого, его взгляд сделался хмурым, а потом безвольно уткнулся в стол.

Мужчина закивал головой. Жалкая улыбка показалась на его губах, сделав его совсем беззащитным. Глядя в зал глазами, полными непонятной вины, он начал:

-Я не знаю, почему я пошёл этой улицей. Но именно потому и произошло всё то, что я сейчас хочу рассказать. Прошу вас не слишком морщиться или хмурить брови, если что то придётся не совсем по вкусу. Может быть сочинитель я так себе, но всё дело в том, что сочинять я ничего не буду. Итак: я шёл и очень крепко был занят тем, что слушал свои мысли. Потому, когда ветка дерева сбила кепку с моей головы, это меня очень расстроило. Расстроило вдвойне, я бы сказал. Во-первых потому, что с моим ростом найти такую ветку совсем нелегко. А во-вторых… Я никогда не носил кепок. А тогда надел. И вот она, в луже. Ещё горько стало то, что во мне родился гнев, и мысли разбежались. Я готов был истоптать кепку, изломать дерево. Я с бешенством взирал на это растение и думал: откуда оно вдруг взялось? И тут я сообразил, что иду по другой улице, нежели ходил обычно, оттого и не приметил этого дерева, потому что там его быть не должно. Почему я свернул на эту дорогу? Я пожму плечами. Не знаю! Нет, никто меня не брал за плечи и не поворачивал раньше времени. Никто мне никаким внутренним голосом не шептал: «Вот здесь». Я просто шёл и оказался там. Я поднял кепку, посмотрел на неё, отряхнул и повесил на ту самую ветку, которая сбила её: «Тоже мне, сучок», - злобно подумал я. «Что, посушить решил?», - послышался голос. Я вздрогнул от неожиданности и обернулся. На меня смотрел пожилой мужчина, совсем лысый. Он опёрся о трость и улыбался. Я

тоже заулыбался в ответ и уже начал отвечать, как вдруг сзади прогремел другой голос: «Вы от Сергея Петровича?», - я резко оглянулся, и увидел высокого мужчину, в прекрасном костюме. Волевое лицо, твёрдый, уверенный взгляд ввели меня в растерянность. Но я уже говорил «да» первому, а смотрел на второго. Высокий мужчина принял этот ответ себе. «Игорь!» - позвал он кого то.

Из дверей здания выплыла фигура средней высоты, худая, с интеллигентным выражением лица, искажённым, однако, очками с толстыми линзами. Из-за этих очков глаза интеллигента казались выпученными и лишёнными всякого раздумья. «Игорь, проводи этого господина. Пусть будет с вами, - и тут же обратился ко мне. - Вы извините, вам придётся подождать. Сколько, не знаю, у меня важные дела», - сел в машину и уехал.

«Пройдёмте», - Игорь вежливо указал мне на вход, и не дожидаясь моего ответа, вошёл в помещение.

Я прошёл за ним! Зачем? Сам не знаю. Нет, я вовсе не авантюрист, и не искатель приключений. Но зачем? и сам до сих пор не пойму. Игорь провёл меня через большой холл к лифту. После улицы, помещение мне показалось серым и тёмным. Но это только показалось, потому что потом я увидел его очень светлым, а стены и потолки белые и яркие. Мы поднялись на второй этаж. Затем, гулко цокая по мраморному полу, вошли в фойе. Там был опять лифт. На какой этаж мы поднялись сейчас, я не заметил. Игорь молчал. Я тоже. Выйдя из лифта в такое же фойе, мы свернули влево и остановились у двери без номера и без всякой таблички. Игорь осмотрел меня с ног до головы, поморщился, и открыв дверь, дал мне знак пройти. Потом зашёл вслед за мной.

Мы оказались в Т-образном помещении, где ходы были вперёд, направо и налево. Ходы направо и налево, по пути имели ещё по паре дверей. Это было большое помещение из нескольких комнат, кухни, столовой... Мы прошли в гостиную. Там уже собралась компания из четырёх человек. Они посмотрели на нас и вежливо улыбаясь, по-очереди поприветствовали меня рукопожатием, будто мы давние приятели. На этом наше знакомство закончилось. Компания вернулась к прежней беседе, оставив меня своим вниманием. Я сел на стул, стоящий отдельно, и скромно наблюдал за происходящем. Я не отличаюсь каким-то аналитическим умом, или особенной наблюдательностью. Часто я начинаю видеть черты характера человека, рисуемые его поведением, лишь после того, как мне об этом кто-

то скажет. Да у меня, честно говоря, никогда и не было никакого намерения разглядеть эти скрытые качества.

В тот раз всё было точно так же. Я ни во что не пытался вникнуть. Я даже был малость обескуражен, понятно какими обстоятельствами. Но даже в том состоянии от меня не укрылась одна деталь, слишком заметная в том обществе. Некоторое время я сидел в одиночестве, никому не интересный. Прошу заметить: я ничего не рассматривал, ни к чему специально не прислушивался, видел и слышал только то, чего нельзя видеть и слышать, лишь закрыв глаза и заткнув уши. Я бы так и сделал, если бы это не было слишком нелепо. Так вот: мне показалось, что они норовят заручиться пониманием одного мужчины. Когда он говорил, все согласно кивали. Он не выражал никакого своего мнения, не поддерживал чужого. Он просто констатировал факт, и никакие мнения уже более не принимались, не обсуждались и просто не слышались.

Я посмотрел на этого мужчину. Да, он был из тех! Меня всегда раздражали холёные, вычищенные мужчины, тщательно одетые, без единой складки. Розовые и изнеженные. Они узкоплечие, но с пухлыми щеками и пузиком. Самодовольны и высокомерны. Брезгливы. Они страдают повышенной чувствительностью к запахам. Их раздражают все запахи, не относящиеся к цветам или парфюмерии. Хочется держаться от них подальше, чтобы ненароком не двинуть им. А то вони будет поболее чем от стаи собак, живущей в закрытом помещении. Они всё знают. А не знают только того, чего не существует. Но и это они уже предполагают. Они всегда в центре внимания. А когда компания не удостоит их вниманием, они лишат компанию права зваться интересной. Они всё умеют.

Сейчас этот мужчина описывал вкус какого то заморского блюда, и объяснял, как оно правильно готовится. Вдруг, один из присутствующих, мужчина незапоминающейся внешности, попытался дать свой рецепт. Как это было неосмотрительно с его стороны! Мужчина с пузиком замолчал, досадно вздохнул и, склонив голову в терпеливом ожидании, грустно посмотрел на оппонента. Его безукоризненный чуб прикрыл правую бровь. Дождался, когда утихнет возмущение всей остальной компании этой дерзкой выходкой и продолжил, не меняя тона. Негромко, самодовольно улыбаясь, он перечислил ингредиенты, их последовательность и время заправки.

«Сейчас я вам это приготовлю», - сказал он сменив улыбку на таинственно-блаженную, и ушёл на кухню. Прошло не более пяти минут, как мужчина с

незапоминающейся внешностью, потянул носом и с восторгом щёлкнул языком. Тут же носами потянули и остальные, делая при этом довольно умилённые выражения лиц. Мне показалось, что прошло ещё недостаточно времени, чтобы творимое на кухне успело трансформироваться хоть в какой нибудь запах. Я ничего не чуял.

«Вам разве не кажется, что это будет прекрасно?», - заметив моё безразличие, спросил Игорь, закатывая глаза за верхнюю оправу очков. «Что?» - спросил я. «Но вот это, что готовится! Что так благоухает!». «Не знаю. Ничего пока не чую», - честно сказал я. «У вас плохо с нюхом?». «Наверное», - ответил я. «Бедный, - Игорь покачал головой. - Как мне вас жаль. Вы лишены части блаженства, которое мы уже начинаем вкушать!». Я пожал плечами, не зная что ещё сказать.

Наконец блюдо было готово. Повар, чуть согнувшись в пояснице, нёс на вытянутой руке поднос, на котором дымилось неведомым до селе вкусом таинственное нечто! «Прошу Вас», - поставил повар поднос на стол, и указав на блюдо рукой. Все сели к столу, и выказывая чрезмерную признательность повару, тем не менее культурно, не спеша и не толкаясь, поделили блюдо на всех удивительно ровными порциями. Досталось и мне, разумеется. Все пробуют. Начинают восхищённо причмокивать, покачивать головой, разводить руками, давая понять, что у них нет слов, способных описать испытываемый восторг. А я видимо, лишён и вкусовых ощущений. Ничего словотерятельного я не отведал. И на улыбчивый и небрежный вопрос повара: «Ну как?», заранее знающего все ответы, и приготовившегося снисходительно - смиренно парировать лестные отзывы, махнул рукой: «Сойдёт».

Поскольку парировать в том роде, в каком он нацелился, ничего не пришлось, повар остался с той же улыбкой. Но в глазах выразилось смятение, и эта несуразность изуродовала лицо и вызвала жалость всех остальных членов компании, которые с удивлением обнаружили, что и в самом деле, в приготовленном блюде нет ничего особенного. А жалость случилась оттого, что это неприятное открытие стало новостью для повара, и сделало его смешным. «Что теперь будет?». Все с негодованием обрушились на меня: «Ну что вы такое говорите?» «Будьте сообразительнее!». «Разве нельзя выражаться культурно, а не махать руками?»

В общем, все сошлись в том, что изначально блюдо было задумано и сделано превосходно и оригинально, а испортил его я, имея самый низкий вкус, не соответствующий уровню честной компании. Своим плохим вкусом, достаточно нетребовательным, я не должен обижать повара. Да и всю честную компанию. И сейчас, я имею право лишь на то, чтобы извиниться за такой вкус, а далее

стесняться его выказывать. Я ещё раз махнул рукой, и продолжил есть. Компания, видя, что меня совсем не интересует их вывод, забеспокоилась: «как же быть? С таким вкусом дальше нельзя!». И каждый по-очереди, а кто и вне очереди, дуэтом, трио, хором, принялись разъяснять мне тонкости съеденного мной блюда. Я внимательно слушал, согласно кивал головой, жевал и ничего не понимал. К счастью, компания собралась из пяти человек. Повар был шестой и конечно, центральный. Он великодушно позволил себе не принимать участия в этом воспитании.

«Ну, понял?», - спросил меня пятый. Я отрицательно покачал головой. Воспитанное общество тяжело вздохнуло. Переглянулось. Их благородные взгляды воспылали справедливым вопросом: «Можно ли, имея такой вкус, быть членом их компании?». Но факт на лицо: я-то здесь, с ними. Не просто так зашёл, проходя мимо. Официально приглашён. Мужчина с незапоминающейся внешностью потребовал строго спросить с того, кто меня рекомендовал. Его поддержали все, не выразив никакого сомнения. Стали громко выяснять, кто же так нелепо втиснул меня в их круг, и ещё громче надеяться, что эта неприятность будет исключена в будущем.

Вдруг гомон был оглушён шёпотом, в котором робко прозвучало имя человека, рекомендовавшего меня. Наступила тишина. Неловкие движения, характерные для человека объятого справедливым возмущением, и вдруг внезапно затрепетавшего, заполнили пространство комнаты суетой: шуршащей и двигающей никому не мешающие стулья, чашки, ложки… Длилась эта суета короткое время. Потом кто то умно кашлянул: «В конце концов, такого рода вкус, не редкость. И уж конечно не порок. Согласитесь со мной», - это был рыжий мужчина в тройке, и без очков. Все довольно согласились. «Конечно не порок. Ещё какой не порок!» - почему-то обрадовался мужчина с незапоминающейся внешностью. Компания стала научными терминами рисовать порок, и намалевала страшную картину. Сравнив эту картину с моим вкусом, компания не обнаружила ни малейшего сходства.

Теперь мне уже пришлось принимать сдержанно-вежливые извинения за спешные выводы. Говорилось всё это выражениями и тоном, не лишающими общества достоинства и той высоты, которую оно себе придумало. Я опять махнул рукой и доел блюдо. Все облегчённо засмеялись моей шутке. Компания старалась наладить непринуждённую беседу, но в каждом чувствовались скованность и угодничество. Желание ненамеренное, но имеющее место в подобных компаниях. «Кому угодить?, - думал я, - уж не мне ли, человеку низкого вкуса? Зачем?». Я скромно сказал на ушко человеку в очках, с тонкими губами и седой головой, который оказался рядом со мной: «Кушать хочу». Он

встал, зачем то похлопал в ладоши, и торжественно сказал: «А давай ка, повар, приготовь нам что нибудь ещё». Остальные члены компании зааплодировали: «Да, да, пожалуй. С удовольствием отведаем вашего оригинального блюда». Повар был рад вниманию:

«А что приготовить?», - спросил он. «Всё-равно, - сказал я. - Хоть яичницу. Я есть хочу». «Ну что Вы, может чего посолиднее?», - стал уговаривать меня седой мужчина в очках. «Нет, яичницу. Я люблю яичницу». Седой мужчина расстроился и перестал меня уговаривать. Он сел в сторонке, и о чём то задумался. «А что ты расстроился? - весело хлопнул его по плечу мужчина в тройке, тряхнув рыжими кудрями и широко улыбаясь. - Яичница - блюдо царей! Ты разве не знал?». В ближайшие несколько минут, пока готовилась яичница, я многое узнал об этом блюде. Всего не помню, но суть сказанного заключалась в том, что яичницу просто обожали все великие полководцы, гении, и философы. «Но как она была яичницей, так и осталась» - подумал я. Когда принесли яичницу, я попросил компанию уважить меня, и научить, какой вкус я должен чувствовать, когда ем яичницу, сейчас, с ними. Учили они меня долго и самозабвенно. Но не убедительно. Вопреки их отчаянным пыткам, вкус у яичницы остался обычным и совсем не походил на тот, который мне старались привить. «Яичница и есть яичница», - подумал я. В этой науке мои учителя оказались крайне бездарны. Никому не желаю такой участи: учить, учить и не научить.

Когда компания разочаровалась в моих способностях, седой мужчина в очках грустно подвёл итог: «На вкус и цвет друзей нет. Каждый свободен иметь тот вкус, которым окружён, которому воспитан».

С этим все согласились, но рыжий весело добавил: «Каждый свободен иметь тот вкус, который имеет», - и засмеялся. А Игорь, по дружески, рекомендовал мне всё-таки работать над собой. А потом разговор перешёл на совсем интересную тему.

> - Это пропустите. К делу не имеет отношения, - повелел судья, нервно подёргивая плечами и вытирая пот.
>
> - Как не имеет? Ведь именно из-за этого весь сыр-бор и заварился?
>
> - Продолжайте дальше, это пропустите. Если будет необходимость, мы к этому вернёмся.
>
> - А что там продолжать? - расстроился подсудимый. - Дальше почти всё. Приехал высокий мужчина с уверенным голосом, и сказал: «Будет вам

лимит. Давайте-ка обрисуем кому-что». Все опять сели к столу. Начали что-то считать и говорить, кому это. Мне тоже выпала какая-то доля. Очень много. Я даже потом долго молчал. Очень долго! Не мог ничего сказать. Ни слова! Хотел и не мог! Испугался что онемел. Но это прошло, и стало гораздо хуже, когда в комнату вошёл новый посетитель. «О-о - восторженно затянула компания, - Сергей Петрович, сами лично! А мы тут...». «Здравствуйте, здравствуйте», - поздоровался Сергей Петрович со всеми сразу, а потом ещё и с каждым отдельно, за руку. Я тоже имел честь ощутить его крепкое рукопожатие. А он тем временем продолжил: «Да вот, подумал и решил быть Сам на этом серьёзном мероприятии. Никого не посылать». Он сильно удивился, когда вместо ожидаемого гула одобрения, компания вдруг одновременно замолчала. Он смотрел то на одного, то на другого, то на третьего, а их взгляды сходились в одной точке. Этой точкой был я. Я захотел быть самой настоящей, самой маленькой точкой. Первый раз в жизни я желал стать ещё меньше. Но... Компания продолжала недоумённо молчать. Кто-то даже закашлялся. А потом... И вот, я здесь.

- Это мы знаем, - судья посмотрел в бумаги.

- И в чём же моя вина, господин судья? В том, что я ни разу не соврал? В том, что пошёл, куда меня пригласили? В том, что едва не был наделён чужим? Я никому не навязывался! Ничего, никого не просил! Ни о каком чужом ничего не знал! А за яичницу я готов заплатить. Сколько скажете. Хотя повар конечно очень оригинальный тип. Уверен, что яичница оказалась съедобной лишь потому, что я попросил его ничего, кроме соли, к яйцам не добавлять. А то он фантазёр бурный. Я это понял, когда слушал компанию и ел первое блюдо. А в целом, товарищ судья, я очень раскаиваюсь за свою наивную натуру. Я приложу все свои силы, чтобы в дальнейшем никогда не оказаться в подобном образе. Стыдно, стыдно до самой глубины души за свою доверчивость. Но ведь это не карается законом? Мягкотелость? А о том, что там было наделено, я и не помню уже ничего. Я очень несчастный человек. У меня нет ни вкуса, ни нюха. А сейчас я лишился памяти. Пощадите меня! Кстати, там что-то и Вам было. Но я забыл, всё забыл!